

— Хорошо. — Донесшийся сзади голос Чжоу Чжоу, в котором звучало явное облегчение, прервал поток мыслей босса Цзи.

— Спасибо, учитель. — Мальчик привел свои чувства в порядок, и его звонкий детский голосок прозвучал удивительно радостно. Для Чжоу Чжоу, который совершенно не умел сопротивляться всему милому, это было особенно приятно.

— Это мой долг, — мягко произнес Чжоу Чжоу. — Юнь-эр, где твоя одежда? Старая испачкана кровью, носить ее больше нельзя. Я схожу принесу тебе что-нибудь на смену, чтобы раны не воспалились.

— Учитель... — мальчик замялся, словно хотел что-то сказать, но передумал.

— Что такое?

— Юнь-эр поднялся на гору всего несколько дней назад и еще не успел получить ученическую форму. — На самом деле босс Цзи немного солгал. Он действительно прибыл на гору недавно, но Юнь Цинмо считал его лишь своей игрушкой и никогда не собирался наделять правами полноценного ученика секты Цзюньшань, так что права на получение формы у него не было. Однако он сказал это, чтобы разрешить сомнение, зародившееся в глубине души.

— Э-э, вот как, — Чжоу Чжоу на мгновение растерялся. Он, как автор романов, не продумал детали быта, а судя по окружающему бамбуковому лесу и немногочисленным постройкам, кроме них двоих, здесь больше никто не жил.

— Учитель, вы что, не знаете, где взять одежду? — осторожно поинтересовался мальчик.

— ... — Он хотел бы сказать, что страдает от потери памяти, но не слишком ли поздно?

— Я вчера видел, как учитель позвонил в колокольчик там, снаружи, и вскоре кто-то пришел, — словно почувствовав неловкость Чжоу Чжоу, мальчик сам предложил решение.

Чжоу Чжоу внезапно осенило: — Ах, а я-то думал, почему здесь никого нет, оказывается, есть колокольчик для вызова. Понятно. — Затем он с сомнением добавил: — Гм, Юнь-эр, кажется, я получил травму головы и многое не помню. Мы здесь только вдвоем, ты не знаешь, как я пострадал?

Сердце босса Цзи сжалось: он испугался, что тот что-то заподозрил, но внешне остался невозмутимым и невинным: — Юнь-эр тоже не знает, как учитель пострадал. Вчера, когда учитель уходил, с ним все было хорошо. — Произнося последние слова, он для убедительности слегка поежился.

Чжоу Чжоу знал, что вчера он наверняка подвергся пыткам со стороны Юнь Цинмо, и тихо

утешил его: — Ничего страшного, это не так важно. Но Юнь-эр должен хранить секрет учителя и никому не рассказывать о том, что я потерял память, хорошо?

Мальчик послушно кивнул: — Да, учитель, не волнуйтесь, Юнь-эр никому не расскажет.

Чжоу Чжоу ласково улыбнулся ему и погладил по голове в знак одобрения. Босс Цзи слегка опустил взгляд, скрывая сомнение в глубине глаз: неужели он правда просто потерял память?

Если это только потеря памяти... В глазах босса Цзи блеснул холодный огонек.

Увидев, что мальчик больше не боится, Чжоу Чжоу подошел к двери и позвонил в колокольчик. Вскоре к ним подошел ученик и доложил: — Ученик Чэнь Да приветствует младшего дядьку-наставника Юня. Не знаю, какие будут указания?

Чжоу Чжоу показалось, что голос этого человека был таким же неприятным и резким, как звук ножа по стеклу. Он вздрогнул и поспешно обернулся, чтобы посмотреть на говорившего, и пришел в еще больший ужас. Чжоу Чжоу считал, что не судит людей по внешности, но, увидев лицо этого ученика, у него на мгновение остановилось сердце. Он даже засомневался, не попал ли случайно на место катастрофы. Что это было за ужасающее лицо! Хотя все черты — глаза, нос, рот — присутствовали, они были скомпонованы так, словно кто-то в беспорядке накидал детали конструктора. А густая, сросшаяся на переносице бровь придавала ему чрезвычайно свирепый вид.

Чжоу Чжоу оцепенел и в упор смотрел на Чэнь Да. Тот, заметив его взгляд, занервничал, по его лицу заструился холодный пот. Слава Юнь Цинмо была известна всей секте Цзюньшань, ученики боялись, что он выберет их в качестве своей игрушки. Обычно места, где проходил Юнь Цинмо, пустели, словно после нашествия саранчи. Если бы не эта его ошеломляющая внешность, управляющий ни за что не прислал бы его сюда. Но теперь ситуация выглядела скверно, и в глубине души Чэнь Да пронеслась мысль: неужели младший дядька-наставник положил на него глаз?

Он исподтишка взглянул на профиль Чжоу Чжоу, и на его безобразном лице медленно проступил румянец. Ему показалось, что младший дядька-наставник очень красив. В душе снова промелькнуло: на самом деле, если младшему дядьке-наставнику так угодно, то он не против...

Чжоу Чжоу не знал, что пока он был погружен в шок от увиденного лица, его самого в мыслях уже успели откровенно смутить.

Придя в себя, Чжоу Чжоу почувствовал неловкость за то, что оценивает человека по внешности, и смущенно распорядился: — Сходи, принеси два комплекта одежды: один мой, другой на ребенка пяти-шести лет. И принеси еды, нужно и овощи, и мясо.

Подумав о том, какой худенький и слабый мальчик, он решил, что тому необходимо усиленное

питание.

— Прошу прощения, младший дядька-наставник Юнь, какая именно одежда нужна: для внешних или для внутренних учеников? С формой для внешних проблем нет, но для внутренних нужна жетон-табличка, к тому же их нужно регистрировать в списках. Прошу уточнить, — кокетливо прошептал Чэнь Да, решив, что понял намерения своего господина.

Такое биологическое оружие — это было выше сил Чжоу Чжоу. Он едва сдержал позыв сплюнуть кровью.

— А в чем разница? — сквозь зубы спросил он.

— Форма для внутренних учеников — белая, а для внешних — серая, — услужливо пояснил Чэнь Да.

Чжоу Чжоу взглянул на свою белую одежду и на серый наряд Чэнь Да. Выбор был очевиден: — Тогда пусть будет форма для внутренних учеников.

Увидев, что Чэнь Да хочет что-то добавить, Чжоу Чжоу испугался и поспешно замахал руками: — Иди готовь, а потом можешь не приходить. Пусть управляющий пришлет несколько слуг для уборки и готовки, отныне на пике Сяочжу будут готовить еду.— Тогда... ученик повинуетя.

Чэнь Да с видимым сожалением, делая шаг и оглядываясь через каждые три, направился к выходу.

Видя, как фигура Чэнь Да скрылась за дверью, Чжоу Чжоу наконец тяжело вздохнул с облегчением. Сам он не понимал почему, но ему упорно казалось, что в прощальном взгляде Чэнь Да таилась какая-то странная обида.

Этот мир так пугает, мама, я хочу домой.

Великий Бог Перемещений никак на это не отреагировал, поэтому домой вернуться не получалось — оставалось только вернуться в комнату.

Едва переступив порог, он увидел крошечного малыша: тот был целиком закутан в одеяло, наружу торчащая пушистая головка казалась похожей на кочан редиски, а влажные глаза смотрели прямо на него. Сердце Чжоу Чжоу мгновенно растаяло, и недавнее тревожное чувство испарилось без следа. Чжоу Чжоу подошёл к кровати, присел и, прямо поверх одеяла, прижал к груди маленький свёрток, опустив подбородок на макушку. Ощущение мягкости на макушке Редисочки доставило ему огромное удовольствие, и ему захотелось последовать за маленьким редисенком— Как обычные учитель и ученик, давай просто поболтаем о жизни. Расскажи-ка мне, Юнь-эр, как твой учитель привел тебя на гору? Что было до этого? У учителя совсем не осталось воспоминаний об этом. В тот самый миг, когда Цзи-босс ощутила, как её

обняли, тело её напряглось, и она уже было хотела вырваться, но тут же, вспомнив о своём положении, заставила себя замереть. Юньэр попал к учителю на Гору Цзюнь, когда тот путешествовал внизу, в миру. До этого Юньэр всё время сидел дома: мать умерла рано, отец его не любил, и вообще все вокруг только и делали, что не любили и обижали Юньэра. А потом он встретил наставника, который сказал, что у Юньэра есть духовные корни и в будущем он сможет, как и наставник, летать по небу... Скажи, учитель, если Юньэр станет таким же сильным, как ты, они тогда полюбят Юньэра? — Цзи-босс, словно заправский киноактер, со всей страстью разыгрывал классическую драму про сироту-неудачника из сянся.

Чжоу Чжоу сильнее прижал к себе мальчика. Он пожалел о сказанном в ту же секунду, как слова сорвались с его губ, и был готов отвесить себе пощёчину. Какая муха его кусила завести разговор на самую запретную тему? Прекрасно же знал, что у малыша тяжелая судьба и отвратительные воспоминания детства, и всё равно полез беречь его старые раны. — Что бы ни было в прошлом, отныне и впредь Юньэр — сокровище своего учителя. Если другие тебя не любят, тебя любит Наставник; если другие обижают тебя, Наставник поможет обидеть их в ответ. Учитель всегда будет защищать Юньэра и останется рядом, — Чжоу Чжоу на мгновение замолк, а затем заговорил снова: — Учитель слышал одну историю. Жил-был на свете гадкий утёнок. Из-за своей неказистой внешности он был всем в тягость, и даже собственная мать ненавидела его. Он не понимал, за что с ним так, и потому в одиночку покинул птичий двор. Он плыл и плыл — из весны в зиму, а из зимы снова в весну, пока однажды не увидел стаю прекрасных белых лебедей. Их красота заставила его почувствовать собственную ничтожность. Он опустил голову и вдруг увидел в воде свое отражение. Отражение было точь-в-точь как те белые лебеди — такое же прекрасное. И тогда он понял, что на самом деле вовсе не гадкий утёнок, а прекрасный белый лебедь. Наш Юньэр однажды тоже станет прекрасным белым лебедем, совсем как тот гадкий утёнок. Цзи Юньлю никогда раньше не испытывал ничего подобного. Теплая волна медленно разлилась по его груди, дюйм за дюймом растапливая сердце, которое было холодным и одиноким столько лет. Он даже расслышал, как в грудной клетке раскалываются ледники. Впервые он поверил, что в этом холодном мире тоже может быть тепло, впервые появилось чувство, что хочется всем сердцем довериться кому-то. Он сильнее уткнулся носом в грудь человека, сидевшего рядом, жадно впитывая исходившее от него тепло.

- Надеюсь, Учитель будет рядом с Юнь-эр до того самого дня, пока Юнь-эр по-настоящему не превратится в прекрасного лебедя... Ведь у Юнь-эр остался только Учитель.

В этот миг уже не имело никакого значения, был ли человек перед ним на самом деле Юнь Цинмо. Цзи Юньлю знал лишь одно: рядом есть тот, кто готов оберегать его, защищать, любить и защищать, кто станет сочинять истории, чтобы утешить его в минуту грусти, и пообещает, что однажды он обязательно превратится в белого лебедя. Каким бы холодным, бессердечным и черствым ни был Цзи Юньлю, он не мог остаться равнодушным к такой искренней доброте.

Ощувив всецелое доверие ребенка, прижавшегося к нему, Чжоу Чжоу мягко похлопал его по хрупким плечам, а в его мягком взгляде сквозила невиданная прежде решимость. Чжоу Чжоу считал себя человеком ленивым и не любящим хлопот — сталкиваясь с неприятностями, он всегда в первую очередь думал о том, как бы сбежать. Но на этот раз он отступать не станет и больше никому не позволит причинить этому ребенку даже малейшую боль или обиду. За дверями раздались легкие шаги. Духовное сознание Чжоу Чжоу автоматически определило, что приближаются пять человек: лишь у одного уровень культивации был на девятом этаже

стадии Ци, а остальные четверо находились на первом-втором этажах. Он подумал, что эта способность определять чужую культивацию появилась у него, должно быть, из-за того, что он унаследовал уровень культивации Юнь Цинмо на поздней стадии формирования пилюли. Если бы он только что не был так потрясен появлением Чэнь Да, то давным-давно заметил бы это.

И действительно, вскоре после шагов снаружи послышался голос мужчины средних лет:

— Внешний ученик Сунь Юн приветствует младшего дедушку-наставника Юнь.

Чжоу Чжоу вышел за дверь, держа на руках малышку-редиску, и увидел стоявших в поклоне пяти человек: один впереди, четверо позади. Тот, кто только что говорил, стоял впереди и обладал культивацией девятого этажа стадии Ци; у него была самая заурядная внешность, такую легко забыть сразу после встречи.

Чжоу Чжоу равнодушным тоном спросил:

— Это те люди, которых я просил?

Юнь Цинмо отличался холодным и отстраненным нравом. Чтобы никто не догадался, что в этом теле сменилась душа, ему волей-неволей приходилось говорить и действовать в манере Юнь Цинмо. Впрочем, к счастью, в будние дни Юнь Цинмо почти не общался с учениками секты, так что вероятность того, что его разоблачат, была невелика.

— Докладываю младшему дедушке-наставнику: эти четверо были отобраны из внешних учеников для прислуживания на Бамбуковом Пике. Двое из них отвечают за пищу, а двое — за ведение повседневных дел. В дальнейшем по любым вопросам на Бамбуковом Пике вы можете отдавать распоряжения мне. Если вы сочтете, что людей недостаточно, ученик может отобрать еще несколько человек.

— Не нужно, четверых вполне достаточно. — Замешкавшись, он вдруг что-то вспомнил. — Я помню, что в этом году проходит церемония принятия учеников, которая случается раз в десять лет. Сколько до нее осталось?

<http://bllate.org/book/22479/2368314>